

После Палицына перевод Шишкова использовал для поэтического переложения памятника Н. Язвицкий, член-сотрудник второго разряда «Беседы», председателем которого был Г. Р. Державин. Язвицкий сохраняет в переводе вставки Шишкова, правда, не так раболепно следя за прозаическим текстом, как Палицын. Так, по Шишкову, боярам давно было известно поражение Игоря, но они скрывали печальную новость от престарелого князя, сообщив ее только после «мутного сна» Святослава. В переводе Шишкова читаем: «Тогда бояре, прервав молчание, рекли князю: „Долго мы таили, долго, храня драгоценное для нас мастистой страсти твоей спокойствие, скрывали от тебя общис напасти. Но бедствие наше превосходит меру, и не можем далее оставлять тебя в неведении“» (VII, 138).

Язвицкий, сохранив мысль Шишкова, сильно сокращает его перевод:

Тут рекли бояра князю их:
Грусть давно тягчит умы у нас;
Князь! познай кручину общую:
Два слетели ясны сокола

и т. д.⁴⁶

Шишков не согласился с первыми издателями «Слова», которые «сороки не трискоташа, полозию ползоша только» перевели: «Сороки, не стрекотали, но двигались только по сучьям»,⁴⁷ — справедливо заметив, что «сорокам не свойственно ползать или двигаться по сучьям» (VII, 121). Он отнес глагол «ползать» к следующему предложению и перевел: «...галки молчат, сороки не стрекочут; одни только дятлы, по сучьям ползая, стуком носов своих путь к реке кажут» (VII, 148).⁴⁸ У Язвицкого сохранена мысль Шишкова:

По древам лишь дятлы ползая,
По реке путь кажут долблением.⁴⁹

В то время как Палицын, идя за Шишковым, подчеркнул в своем переводе героический характер памятника и транспонировал его на поэтическую систему классицизма, Язвицкому тот же самый перевод дал возможность подойти к тексту с романтических позиций и подчеркнуть его фольклорную основу.

В 1811 г. вышла из печати книга Язвицкого «Введение в науку стихотворства». Здесь дана пространная характеристика «Слова» и приведены отрывки из стихотворного перевода. Язвицкий традиционно сравнивает «Слово» с песнями Оссиана. В последних он в соответствии с учением Гердера⁵⁰ отмечает «пылкое стремление к свободе... В таких песнях видна душа, исполненная природою, некоторое дикое величие, подобное тем лесам и горам, в коих обитали сии народы; в них приметна какая-то мрачность попеременно печальная и приятная... Сии люди... любили все мрачное, необразованное, дикое, не знали удовольствия жизни и были мало к оной привязаны; презирали ужасы смерти».⁵¹

⁴⁶ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, СПб., 1812, стр. 44.

⁴⁷ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новогорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 43. (Фототипическое воспроизведение в кн.: Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950).

⁴⁸ См. перевод и комментарий Д. С. Лихачева к этому месту памятника в кн.: Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 464.

⁴⁹ Чтения в Беседе любителей русского слова, кн. 6, стр. 52.

⁵⁰ См., например: И. Г. Гердер. Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях древних народов.— В кн.: И. Г. Гердер. Избранные сочинения. М.—Л., 1959, стр. 27 и сл.

⁵¹ Н. Язвицкий. Введение в науку стихотворства. СПб., 1811, стр. 109—110